1

Жила среди Пушкиных легенда. Ее от кого-то из них услышал и сохранил для потомства автор историко-биографических романов о поэте И.А. Новиков. Он родился в последней четверти того столетия, которое озарил пушкинский гений как будущий золотой век русской литературы. В доме родителей Пушкина встречали это новое девятнадцатое столетие заодно с Новым 1800-м годом. Торжество хозяев и гостей разбудило от младенческого сна Пушкина. Он вышел из детской и предстал перед ними на пороге гостиной. Шумное веселье на мгно¬венье умолкло. Внимание всех привлёк ребёнок — первенец Пушкиных. И тут Надежда Осиповна — мать малыша предложила всем участникам веселого застолья внимательно посмотреть на человека грядущего столетия, на первый его шаг из прошлого, XVIII, в новый, XIX век.

Никто тогда и подумать, конечно, не мог, что этот «земли чудесный посетитель», если воспользоваться его же строкой из стихотворения «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» — едва перейдя лишь первую четверть своего «жестокого века», скажет устами казненного Андрея Шенье не только о нём, но и о самом себе: «Увы, моя глава безвременно падёт...»

И уж тем более никому и в голову тогда не пришло, что младший современник гения, дарованного России Богом, напишет о своем литературном учителе и собрате в 1832 году — за пять лет до роковой развязки его земной судьбы — обобщающе ёмкие, пророческие и почти некрологические слова: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Без малого через полвека после гоголевской статьи «Несколько слов о Пушкине», откуда взяты приведённые слова, их повторит Достоевский в самом начале своего знаменитого выступления на торжествах по поводу открытия памятника поэту. Это своё завещательное обращение не только к современникам, но и к потомкам, великий писатель закончил как-то по-семейному раздумчиво, спокойными, будто даже домашними, но в то же время пронзительно-страстными откровениями, полными смятения и надежды: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Одной из таких «загадок» стала пожизненная приверженность к его творчеству и каждому факту биографии, к любой новооткрытой строке поэта его самого верного последователя и продолжателя — И.С. Тургенева. Он оказался единственным из всех, кто, прощаясь со своим кумиром, навсегда сохранил не только его поэтический образ, но даже и вещественное напоминание о нём: «Клочок волос Пушкина был срезан при мне с головы покойника его камердинером 30 января 1837 года, на другой день после кончины. Я заплатил камердинеру золотой».

Эту пояснительную записку Тургенев прислал из Парижа для Пушкинской выставки в августе 1880 года вместе с серебряным медальоном овальной формы, заключавшим в себе клочок волос поэта. То и другое ныне представлено в музее-квартире А. С. Пушкина, где когда-то и был срезан этот локон.

Медальон с пушкинской реликвией Тургенев носил на себе, берёг до конца своих дней, как святыню, и завещал Полине Виардо передать в качестве экспоната в Пушкинский музей Александровского лицея.

Из всех русских писателей народная молва называла в первую очередь именно Тургенева, как только заходила речь о преемственности пушкинских заветов, о сбережении всего, что касается до Пушкина, об изучении и популяризации творчества центрального для всей России художника слова, как характеризовал его самый верный ученик в речи по поводу открытия памятника поэту.

4 сентября 1880 года «Одесский листок объявлений» (№ 194) поместил среди разного рода заметок из городской хроники следующую информацию: «Лицо, возвратившееся из-за границы, сообщает нам, что наш даровитый беллетрист Тургенев пишет в настоящее время на французском языке новое сочинение: «Пушкин на юге России», которое будет состоять из трёх отделов. Читавшие в рукописи первый отдел его: «Юношество Пушкина» отзываются о нём с большой похвалою». Этому апокрифу предшествовало появившееся в «Русском курьере» 8 июня 1880 года (№ 154) сообщение о том, что совет Новороссийского университета постановил образовать Пушкинское общество любителей российской словесности и учредить золотую медаль за лучшее, если таковое будет представлено в течение двух лет, сочинение на тему «Пушкин на юге России».

Обозреватель газеты «Молва» И.Ф. Василевский, выступавший под псевдонимом «Буква», писал в статье «Пушкинская неделя в Москве», что «настоящим львом и, так сказать, центральным кумиром всех московских празднеств служил И.С. Тургенев», популярность которого «достигла в последнее время небывалых размеров. Ему даже на площади сделали прекрасную импровизированную овацию у экипажа» (1880, 11 июня, № 159). Он пробирался среди собравшихся вокруг памятника людей к Страстному монастырю, где стояла его карета. В это время какие-то молодые люди, может быть, из учащихся или студентов, подбежали к нему с приветствиями. К ним сейчас же присоединились другие, потом ещё и ещё, так что он вдруг оказался окружённым целой толпой, состоящей из мужчин и женщин. Кто-то, по свидетельству безымянного корреспондента газеты «Страна» (1880, 15 июня, № 47), «крикнул «ура», остальные подхватили, и образовалась неожиданная овация, ничего, впрочем, не выражающая собой, кроме восторженного приветствия любимому писателю. Иван Сергеевич, конечно, был несколько сконфужен такой неожиданностью и просил своих почитателей успокоиться, но последние с такой же овацией довели его до коляски», в которую он поспешил сесть, чтобы уехать.

Описывая день за днём «великое национально-народное торжество», хроникёр «Русского курьера» (1880, 11 июня, № 156) констатировал, что «рядом с поклонением памяти умершего русского гения наше общество имело радость и гордость приветствовать восторженными кликами и аплодисментами живых своих художников, артистов, поэтов и других деяте¬лей. Более всего оваций досталось на долю нашего незаменимого романиста Ивана Сергеевича Тургенева. При жизни ещё увенчан заслуженными лаврами любящих его русских людей, всех возрастов, полов и сословий, этот гениальный, дорогой нам человек. Радуясь восторженным приветствиям и буре аплодисментов, несшихся отовсюду — в залах и среди улиц, при появлении знаменитого художника, — нам невольно вспоминалось стихотворение А.К. Толстого:

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится любя...»

На первом музыкальном и литературно-драматическом вечере, данном Обществом любителей российской словесности в честь Пушкина, каждый участник мог прочитать одно из его стихотворений по своему выбору. Выступали в качестве чтецов, как сообщал «Русский курьер» в рубрике «Московский дневник» 8 июня (№ 154), Достоевский, Писемский, Анненков, Потехин, Григорович «и, наконец, И. С. Тургенев — со стихотворением «Опять на родине» («...Вновь я посетил»). Этот последний был центром, вокруг которого группировался интерес вечера. Всем участвовавшим были сделаны овации, но тот триумф, которого удостоился И.С. Тургенев, громовые аплодисменты и крики «браво» — всё это превзошло бывшее доселе. По единодушному требованию публики Иван Сергеевич должен был прочесть ещё что-нибудь и выбрал на этот раз стихотворение «Последняя туча рассеянной бури!..» Голос чтеца дрожал: видно, что восторженные овации взволновали его. Тургенев не сел к столу, а стал декламировать стоя и без тетрадки. Звуки взволнованного голоса наэлектризовали публику, все затаили дыхание, а голос чтеца

разносил по зале (дворянского собрания, где на другой день будут произнесены речи) строфы о том, как тучу обвивали молнии, как она поила землю дождём. «Довольно!» — раздался энергический вызов Ивана Сергеевича; все так и подались вперед.

Чтец кончил, вся зала, как один человек, грянула «браво»... В этом мощном крике слышалось полное сочувствие энергичному «Довольно!» — и долго раздавалось под арками залы это единодушное общее признание».

В той же газете 11 июня (№ 156) был продолжен рассказ о столь волнующем эпизоде: «Довольно, сокройся! Пора миновалась, земля освежилась, и буря промчалась», — готовы мы сказать, повторив слова умершего поэта, облечённые в живое поэтическое слово Тургенева. «Россия растёт» и снова поклоняется тому, что сжигала недавно во имя неудержимого стремления вырасти поскорей... Наступает та великая минута, о которой Пушкин говорил: «Душе настало пробужденье». Вместе с Тургеневым автор газетной хроники от души радовался тому, что на Руси происходило возвращение к поэзии, в которой всегда таится «освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила».

А.Ф. Кони, присутствовавший на этом вечере, вспоминал, что Тургенев при чтении «Тучи» «на третьем стихе запнулся, очевидно, его позабыв, и, беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать все громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения со всею залой. Этот милый эпизод ещё более подогрел общее чувство к нему».

Вечер, как писал репортер «Русского курьера», закончился апофеозом. На сцене стоял бюст Пушкина в цветах, ярко освещённый бенгальским огнём. Все участники вечера поочерёдно подходили к бюсту и клали к его подножию венки под звуки музыки. Тургенев «возложил свой венок на голову поэта». Писемский, по свидетельству А.Ф. Кони, сняв этот лавровый венок с пушкинского бюста, сделал вид, что кладёт его на голову Тургенева. Зал огласился нескончаемыми рукоплесканиями и громкими криками «браво». Затем все литераторы, участники вечера, остановились у бюста, и хор, стоявший за кулисами, исполнил с оркестром кантату на слова Пушкина “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”»

Тот же мемуарист вспоминал, что через час после открытия памятника Пушкину в обширной актовой зале Московского университета, наполненной так, что яблоку негде было упасть, состоялось торжественное заседание совета. Ректор Н.С. Тихонравов объявил, что, по случаю великого праздника русского просвещения, университет избрал в свои почётные члены председателя комиссии по сооружению памятника — Я.К. Грота и П.В. Анненкова, так много содействовавшего распространению и критической разработке творений Пушкина. Собравшиеся приветствовали это заявление.

«Затем, — сказал Тихонравов, — университет счёл своим долгом просить принять это почётное звание нашего знаме...», но ему не дали договорить: «Точно электрическая искра пробежала по зале, возбудив во всех одно и то же представление и заставив в сердце каждого прозвучать одно и то же имя. Неописуемый взрыв рукоплесканий и приветственных криков внезапно возник в обширной зале и бурными волнами стал носиться по ней. Тургенев встал, растерянно улыбаясь и низко наклоняя свою седую голову с падающей на лоб прядью волос. К нему теснились, жали ему руки, кричали ему ласковые слова...»

Общий смысл этой акции А.Ф. Кони увидел в том, что «в лице своих лучших представителей русское мыслящее общество как бы венчало» в И.С. Тургеневе «достойнейшего из современных ему преемников Пушкина». В аттестате было сказано, что «Московский университет во свидетельство глубокого уважения к плодотворной художественно-литературной деятельности Ивана Сергеевича Тургенева признаёт его своим почётным членом с полною уверенностью в его содействии во всем, что к успехам наук и к благосостоянию университета способствовать может». Анонимный краткий отчёт о праздновании в Москве открытия памятника Пушкину содержал информацию для Третьего отделения о том, что в почётные члены Московский университет избрал «И.С. Тургенева, как писателя,

талантливо владеющего пушкинским слогом» («Октябрь», 1937, № 1, с. 275).

Прямою связью этого избрания с Пушкинским торжеством было продиктовано письмо Н.С. Тихонравова А.А. Краевскому (1880, без даты): «Позволю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою напечатать в виде телеграммы из Москвы, но без указания источника, то есть моей фамилии следующее известие:

И. С. Тургенев и

П. В. Анненков

избраны в Почётные члены Московского университета.

Душевно буду рад возможности приветствовать Вас на нашем Пушкинском празднике» (ОР РНБ, ф. 391, е.х. 761, лл. 9 —9 об.).

На нём, как было отмечено в «Живописном обозрении» (1880, № 26, с. 492), собрались почти все «наши литературные светила: Тургенев, Достоевский, Аксаков, Потехин, Майков, Полонский, Островский, Писемский... Словом, чуть ли не вся насущная умственная «соль» русской земли — полное созвездие знаменитостей науки и литературы. Чередуясь, один за другим, всходили они на кафедру, и сколько ума, таланта, знания и остроумия проносится в живом слове под этими громадными сводами и жадно схватывается внимательной, чуткой и отзывчивой толпой! И здесь опять, как и везде, наибольшая дань уважения и восторга отдается И.С. Тургеневу».

3

В 1880 году на одной из пятниц у Я.П. Полонского, как вспоминал поэт и фольклорист Д.Н. Садовников, принимавший участие в беседе, И.С. Тургенев сказал: «Я — ученик Пушкина, и у меня всегда было страстное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 61 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе: нет, ещё рано, — вот напишу что-нибудь получше. И так, вот до сих пор не нашёл ничего достойного его памяти».

Аналогичный разговор произошёл у Тургенева перед началом Пушкинских торжеств в Москве с И.С. Аксаковым. Тогда же, зайдя по делам к издателю «Руси», С.Ф. Шарапов не застал его дома и побеседовал с женой И. С. Аксакова Анной Федоровной — дочерью Ф. И. Тютчева. Она, улыбаясь, рассказала гостю, что их навестил на днях И.С. Тургенев: «Приехал и вспомнил про моего Ивана Сергеевича. Зашёл и просидел с полчаса. Знаете, что они делали? Ни за что не догадаетесь!

— Разговаривали, обменивались мыслями?

— Да, несколько слов сказали. А потом мой Иван Сергеевич и говорит: «Мы ведь давно условились ни о чем не спорить». Достали Пушкина и стали читать. Ну, конечно, заспорили, и тут Тургенев говорит, что у Пушкина лучшее место в «Полтаве» следующее:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух...

— Обратите, — говорит (Тургенев), — внимание на это: «Дремоты превозмочь» или «чуть трепещут сребристых тополей листы». Весь Пушкин тут вылился.

А мой Иван Сергеевич [Аксаков] говорит:

— Это вы тут вылились, Иван Сергеевич, а не Пушкин. Вам это родственно, вашим картинам природы... А Пушкин вот где вылился:

Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твёрдостью своею
Её стремление крепит.

Вот где Пушкин! «Тяжкой твёрдостью» — вот где его язык.

Тургенев засмеялся и говорит: «Позвольте ваше замечание обратить на вас же. Аксакову нужно нечто громопобедное, вот вы на этом и остановились. А другой красоты вы и не почувствуете».

«А я, — заключила свой рассказ Анна Федоровна, — подумала: какие вы, друзья мои, оба маленькие, и какой он перед вами гигант» (Сергей Шарапов. И.С. Аксаков и И.С. Тургенев о Пушкине (Из воспоминаний). — «Русский труд», 1899, 12 июня, № 24, с. 17).

4

В день открытия памятника А. С. Пушкину венок к его подножию несли из собора Страстного монастыря два Ивана Сергеевича — Аксаков и Тургенев. На вечере автор «Записок охотника»,

романист и драматург, прочтёт свои особенно любимые пушкинские строки из стихотворения без названия про «тот уголок земли», где все памятно и дорого навсегда, как те три сосны, вокруг которых «некогда все было пусто, голо», но где

«Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их, как дети».

Своеобразным комментарием к этой поэтической картине стало деловое письмо Тургенева от 24 апреля 1880 года к В.П. Раевскому по поводу предстоящего открытия памятника поэту: «Тут надо отложить всякие суеты, опасения и не идущие к делу соображения... Очень было бы желательно, чтобы вся литература единодушно сгруппировалась бы на этом Пушкинском празднике». 29 апреля Тургенев обратился к французскому слависту Луи Леже с приглашением на торжественное открытие памятника Пушкину и просил его не сомневаться в том, что «все русские писатели, сплочённые вокруг этого великого имени и собравшиеся в этот день в том самом городе, где наш поэт родился», окажут гостям самый радушный приём. Приглашения были направлены писателям разных стран в расчёте на ответные телеграммы и приветствия, которые были затем оглашены. «Я получил здесь, — сообщил Тургенев из Спасского 21 мая 1880 года С.А. Юрьеву, — письма от В. Гюго, Теннисона и Ауербаха». Их он привёз в Москву с собой.

Флобер из-за болезни не ответил, а вскоре появилось сообщение о его кончине. 11 мая Тургенев писал из Спасского Эмилю Золя: «Удар обрушился на меня самым жестоким образом здесь, три дня назад... Мне нечего говорить вам о своём горе: Флобер был одним из тех людей, которых я любил больше всего на свете. Ушёл не только великий талант, но и необыкновенный человек; он объединял вокруг себя всех нас». Тургенев благодарил своего адресата за то, что он подумал о нём в трудную минуту: «Это было как будто дружеское рукопожатие».

Во время празднования столетия со дня рождения Пушкина Золя направил в Россию письмо, чтобы «мысленно всей душой присоединиться» к соотечественникам литературного гения: «Я узнал его преимущественно благодаря моему другу Тургеневу, который часто рассказывал мне о славе Пушкина, характеризуя его как универсального человека, дивного поэта, глубокого и живого романиста, поборника свободы и прогресса, служащего непогрешимым образцом для вашей учащейся молодежи. И я его полюбил, как следует любить всех глубоких мыслителей, чьи национальные произведения обогащают всё человечество».

Золя посылал «через границу заверение» в своём «благоговении перед ним»: «Необходимо, чтобы его почтили приветствиями писатели всего мира. Международное культурное празднество создаёт действительные мирные связи».

Письмо заканчивалось заверением «в братских чувствах» к дорогим сотоварищам, иные из которых еще помнили открытие памятника поэту, когда вокруг Тургенева, по словам Луи Леже, «группировались наиболее прославленные представители русской литературы». В отчёте «С пушкинского праздника», помещённом рядом с текстами речей Тургенева, Островского и других его участников, «Вестник Европы» (1880, № 7) свидетельствовал, что «московский праздник был со времён Рюрика первым чисто литературно-общественным праздником и по своему поводу и по исполнению». Его иностранный участник Луи Леже вспоминал через двадцать лет, что во Францию «Тургенев вернулся восхищённый московским праздником, полный веры в будущее России».

Владимир ГРОМОВ.
(Из книги: Под сенью Пушкина.
— Орел: Вешние воды, 1999)